

Гетеротопии национального поля литературы: теоретические проблемы исследования «других литератур» Литвы*

Таисия Лаукконен

Литовский институт социальных исследований
Вильнюс, Литва

Вступление

Исследования литератур меньшинств в западном академическом пространстве уже давно сложились и институционализировались в качестве самостоятельной дисциплины. На постсоветском пространстве проблема мультикультурности в исследованиях литературы относительно нова, но при этом имеет специфическую предысторию (например, советский заказ на «дружбу народов», наложивший свой отпечаток на методы исследования культурных связей и их репутацию).

С одной стороны, сформировавшаяся на Западе дисциплина предлагает определенные исследовательские стратегии, которые отчасти применимы в изучении меньшинственных литератур и на постсоветском пространстве; с другой стороны – существуют локальные традиции исследования культурных связей, а также самостоятельно развивавшееся направление изучения литературы и культуры диаспоры (русской, польской, еврейской и др.). Эти подходы иногда совмещаются в исследованиях, при этом само совмещение и условия, которые делают его возможным, редко достаиваются рефлексии.

---

* Тезисы статьи опробованы в докладах, прочитанных в 2013 г. на международных научных конференциях в Санкт-Петербурге и Вильнюсе: «Русская литература и философия в межкультурной коммуникации в постсоветской ситуации» (16–18 мая, Санкт-Петербургский государственный университет, тема доклада «Теоретические подходы к исследованию литератур национальных меньшинств»); «Вильнюс: гетеротопии» (19–21 сентября, Вильнюсский университет, тема доклада «Литературы национальных меньшинств [Литвы] как гетеротопии»). Исследования финансируются Советом по науке Литвы в рамках проекта «Осуществление постдокторских (postdoc) стажировок в Литве».

Несмотря на плодотворные исследования частных случаев (отдельных тем, произведений и авторов, представляющих литературы меньшинств Литвы), ощутима нехватка концептуальных рамок, которые позволяли бы сводить воедино и сопоставлять результаты исследований, опирающихся на разнородный материал, и при этом учитывали бы специфику объекта, его «невписанность» ни в западный постколониальный, ни в «отечественный» диаспорический дискурс.

Задача статьи – рассмотреть и классифицировать существующие способы конструирования литератур национальных меньшинств в качестве объектов исследования, обсудить их актуальность для изучения литератур национальных меньшинств Литвы.

Этническое письмо и миноритарная литература

Одним из ключевых теоретических текстов для исследователей меньшинственных литератур стала книга Жюль Делёза и Феликса Гваттари *Кафка. О малой литературе* (другой вариант перевода – *Кафка. В защиту малой литературы*)¹, в которой под «малой литературой» подразумевается не литература на малом языке, но литература, написанная меньшинством на языке большинства. На русский язык термин иногда переводят как «миноритарная литература» (по аналогии с французским *littérature mineure* и английским *minor literature*), поскольку в русском контексте «малыми литературами» принято называть литературы малых народов России. В США и Канаде, где исследования литератур меньшинств получили наибольшее распространение, обычно оперируют понятием этнического/меньшинственного письма (*ethnic minority writing*; см. например, Pivato 1996), которое чаще всего подразумевает, что меньшинство высказывается на языке большинства (существует, однако, и другая тенденция: Pivato 1994). Исследования литературы, создаваемой на языке меньшинства, в большинстве случаев помещаются в контекст изучения той или иной диаспоры. Таким образом, формально – по языковому и территориальному критериям – литература меньшинственная и литература диаспоры строго разделены, однако оба дискурса (меньшинственный и диаспорический) сближает проблематика межкультурности, языкового пограничья, составных идентичностей и т. п., то есть они поднимают вопросы, поиски ответов на которые требуют обращения к более широкому контексту.

Делёз и Гваттари указали на три сущностные черты малой (миноритарной) литературы: язык, лишенный территории (*deterritorialization of the language*); неразделимость частного и политического (*the connection of the individual and the political*); коллективная аранжировка высказывания (*the collective arrangement of utterance*)

---

¹ Оригинальное исследование впервые было опубликовано на французском (Deleuze et al. 1975). Через одиннадцать лет книга вышла в английском переводе, на который я буду ссылаться (Deleuze et al. 1986). См. также новейшие интерпретации понятия «малой литературы» в контексте вопроса о сегодняшней его актуальности и жизнеспособности: Rodrigues et al. 2012.

(Deleuze et al. 1986: 16–27). По сути, эти же черты присущи и литературам диаспоры, хотя основной пафос коллективного высказывания там совершенно иной – меньшинство, говорящее на языке большинства, прежде всего обращается к большинству и заявляет права на собственное место в чужом языке и поле литературы, в то время как литература диаспоры как бы постоянно оглядывается на покинутые территории и обращается прежде всего к тем, кто разделяет с ней родной язык. Не всем текстам, написанным, и авторам, сформировавшимся в ситуации меньшинства/диаспоры, указанные черты присущи в равной степени, однако в большинстве случаев именно они актуализируются в качестве *ситуации высказывания*, то есть присутствует в сознании читателей и критиков в виде рамки чтения, которая накладывает свой отпечаток на восприятие и интерпретацию творчества даже тех авторов, которые уклоняются от самопозиционирования в роли представителей интересов меньшинства или диаспоры.

Например, заметно, что российская критика склонна определять место зарубежной русской литературы в современном литературном процессе именно через миноритарность. Показателен случай рецепции романов Лены Элтанг, живущей в Вильнюсе с 1989 г. и пишущей на русском языке:

Парабола биографии отразилась на характере прозы Элтанг: русскоязычный писатель, живущий в городе, когда-то располагавшемся на западной окраине советской империи, а сейчас занимающем место на окраине восточной, но уже Евросоюза, очевидно, и *должен* <здесь и далее курсив мой. – Т. А.> писать воздушным, полупрозрачным языком, почти лишенным особого языкового «мяса», языком, в котором кажутся невозможными брань или просторечие, языком почти дистиллированным. И, очевидно, он *должен* помещать своих героев в историческое и географическое пространство, максимально удаленное как от России, так и от места современного своего обитания. Проще всего называть такое место «нигде», ведь и сам этот писатель живет, по большому счету, в таком же «нигде» (Урицкий 2010).

В замечании Андрея Урицкого можно усмотреть все три черты миноритарной литературы по Делёзу и Гваттари: язык, который несет на себе отпечаток *детерриторизации* (лишенный языкового «мяса», существующий «нигде»²); соотношение особенностей письма с био-географическими обстоятельствами, от которого не уберегает и подчеркнуто приватное самопозиционирование автора; и, наконец, коллективный модус высказывания, который в данном случае скорее привносится интерпретацией, нежели является конституирующим для творчества писателя: предикатив «должен» снова и снова подчеркивает, что именно такое письмо представляется наиболее адекватным «биографической ситуации» русского автора, живущего вне России и при этом как бы не совсем в Европе. Несмотря на все оговорки, интерпретация романов Элтанг в подобном ключе представляется уместной, если вспомнить, что Делёз и Гваттари расширяют понятие миноритарности, выводя его

² Отметим, что это «нигде», тем не менее, имеет вполне конкретную прописку – это специфически европейское межкультурное «нигде». Подробнее об этом см.: Laukkonen 2012: 24–26.

за пределы социологии меньшинств (где меньшинство – это непременно группа) и приходя к идее «становления-меньшинством» (*becoming-minor*), то есть осознания себя меньшинством внутри «большого языка», что создает предпосылку для его остранения и «революции в литературе», наподобие тех, что произвели Франц Кафка, Джеймс Джойс и Сэмюэл Беккет. Таким образом, каждый – вне зависимости от своей расовой, этнической, половой (и т. д.) принадлежности – может осознать себя меньшинством внутри доминирующего языка и дискурса (теоретически, поскольку на практике становление-меньшинством чаще всего происходит в рамках меньшинственных групп, что авторы идеи, конечно, тоже оговаривали).

Возвращаясь к интересующей нас проблематике меньшинственного письма на постсоветском пространстве и, в частности, в Литве, отметим, что узкое определение меньшинственной литературы (как литературы, создаваемой меньшинством на языке большинства) актуально прежде всего для территорий «имперских» языков, но также уместно и в отношении уникальной в своем роде еврейской литературы – в том числе и в Литве: примеры несложно обнаружить как в поле литовской литературы (Ицхокас Мерас), так и в локальной русской (Григорий Канович). То есть еврейская литература на русском и литовском языках в целом может считаться этническим письмом. При этом рассматривать в таком ключе польскую, русскую или белорусскую словесность Литвы было бы большой натяжкой – особенно в советский и постсоветский период, когда повседневность представителей различных этносов, регионов, вероисповеданий, социальных слоев унифицировалась государственной машиной, производившей единую советскую нацию. Однако идея миноритарности в широком понимании, как показывает случай с рецепцией романов Эланг, оказывается востребованной на постсоветском пространстве.

Диаспорический дискурс

Если проблематика меньшинственного дискурса прежде всего связана с адаптацией (взаимоотношением меньшинства с принимающим государством, культурой, языком), то диаспорический дискурс в целом характеризуется понятием ностальгии (оглядкой на оставленную страну и культуру). На постсоветском пространстве представление о диаспоре неотрывно связано с политическими обстоятельствами массовой эмиграции – перемещение в пространстве без возможности возвращения (реальной или воображаемой) обращается трагедией утраты родины и особого понимания своей культурной миссии (вспомним актуальную для первой волны русской эмиграции формулировку «мы не в изгнании, мы – в послании»). В обобщающих рассуждениях о литературе диаспоры одним из важнейших оказывается вопрос «одна или несколько литератур?»³ – то есть вопрос о взаимоотношении литературы эмиграции и литературы метрополии.

³ См., напр.: Нива 1981; Довлатов 1984.

Исследования русской и польской литератур Литвы прежде всего попадают именно в этот контекст – с одной важной оговоркой: место своего обитания местные диаспоры одновременно осознают и как свое, и как чужое – в силу того, что исторически сразу несколько культур претендуют на то, чтобы считать одну и ту же территорию исконной.

В современной ситуации (после падения «железного занавеса») перемещение в «другое пространство» для писателей из постсоветских государств скорее связано с исследованием новых территорий, намерением создать острающую дистанцию с привычным местом обитания (подобно тому, как Гоголь предпочитал писать о России в Италии) или с желанием участвовать в международных литературных событиях, быть частью мирового, а не (только) национального литературного процесса. Эмиграция уже не воспринимается как вынужденное расставание с родиной, но скорее как поиск новых, более комфортных условий существования и самореализации. Для обозначения этой новой ситуации возникает термин «постдиаспора»:

Риторика глобализма, режим «гибкого гражданства», номадическая динамика, а также надежды на то, что пропасть между Западом и Востоком будет вот-вот преодолена, способствовали тому, что в 90-е годы постдиаспора продолжала ощущать себя одновременно частью постсоветской художественной сцены (а потому – постсоветским репортером или резидентом на Западе) и полноправным участником традиционно западных дискурсов. Что касается взгляда со стороны, то постсоветский диаспорический субъект воспринимался и воспринимается на Западе как имитация «аутентичного» субъекта с «основной территории» (географического постсоветского пространства), что только усиливает состояние двойственности. <...>

В 2000-х постдиаспора, по крайней мере в Соединенных Штатах, кажется, приобретает более оседлый характер и определяется со своим местонахождением, понимаемым как традиционная локальность, чему способствовало охлаждение политического климата, последовавшее за событиями сентября 2001 года. «Гибкие границы» сейчас кажутся уже не такими гибкими, как в 90-х. Постсоветская диаспора начинает ощущать себя новым нарративом, отличным как от аутентичного Запада, так и от постсоветской территории. Симптом постдиаспоры отделяется от фрагментарного глобалистического облака (Фикс 2004).

Трагически окрашенной теперь оказывается ситуация эмиграции без перемещения – например, русские и белорусы в Литве, которые после распада СССР оказались жителями иностранного государства. Массовая культурная «растерянность» вызывает к жизни локальные идентичности. Образцом для «других литератур» Литвы становится польская литература – яркий пример того, что манифестация локальной идентичности не только не является неизбежным свидетельством провинциальности литературы (Адам Мицкевич, Чеслав Милош), но наоборот, как в случае Милоша, может стать предпосылкой для перехода к общеевропейской межкультурной самоидентификации, востребованной на современном этапе западной цивилизации. Приведем в качестве примера отсылки к первым строкам поэмы Мицкевича *Пан Тадеуш* („Litwo! Ojczyzno moja! Ty jesteś jak zdrowie. // Ile cię trzeba

sení, ten tylko się dowie, // Kto się stracił”) в творчестве русских поэтов Литвы – Юрия Григорьева (р. 1937) и Михаила Дидусенко (1951–2003): «О Litwo! Ангелы над рожью!»⁴, «Литва, Ойчизна моя, // ты естешь, як здоровье, // не требует перевода» (Дидусенко 1998). Оба поэта избегают на родном языке называть Литву своей родиной и при этом испытывают необходимость приручить «родную чужбину»⁵ с помощью интертекстуального жеста. Благодаря цитации и чужому языку возникает снижающая пафос дистанция между лирическим субъектом и его декларацией, а патриотическая эмоция тут же вписывается в конкретный (локальный) литературный контекст.

Таким образом, проблематика диаспоры трансформируется в постсоветском контексте, возникает потребность в осмыслении феномена «постдиаспоры» и тенденции к формированию локальных идентичностей. Пограничные культурные явления помещаются в контекст (социально и географически) определенного места, как правило, города. Так основным топосом, объединяющим исследователей различных меньшинственных и диаспорических культур Литвы, становится Вильнюс (см., например: Kvietkauskas 2007).

Гетеротопии мирового пространства литературы

Иная оптика подхода к проблеме «перемещенной» литературы предложена в исследовании Паскаль Казановы *Мировая республика словесности* (Casanova 1996). Здесь точкой отсчета и привлекаемым контекстом становится не принимающая культура/страна и не историческая родина, а мировое литературное пространство, существующее по своим собственным законам.

Развивая теорию литературного поля Пьера Бурдьё (например: Bourdieu 1996) в том направлении, от которого сам французский социолог принципиально отказывался (как то общие предпосылки формирования национальных литературных полей и наличие пространства, в котором они конкурируют), Казанова начинает с утверждения о том, что наше литературное подсознание национально – таковы и применяемые нами инструменты анализа и оценки. В качестве подтверждения тому автор предлагает вспомнить, что по всему миру исследования литературы организованы по национальному принципу (Casanova 1996: xi). Как следствие, многие транснациональные феномены остаются на периферии сознания при формировании наших представлений о литературе и литературном пространстве. Казанова предлагает изменить точку зрения и попытаться увидеть «денационализированное» литературное пространство, а точнее, исторический процесс становления

⁴ Заключительная строка стихотворения Юрия Григорьева «Не для живых», написанного в 1960-х (Григорьев 2013: 66). Цитата из Мицкевича (O Litwo!) вынесена в заглавие одного из разделов книги, включившего и другие стихи о Литве.

⁵ Так в стихотворении Елены Игнатовой «Спим на чужбине родной...», завершающем цикл «Родственники», определяется Литва (Игнатова 1994).

этого пространства и производимые им на разных уровнях (произведения, стратегии агентов, структуры поля и институты) эффекты.

Концепция Казанова не раз подвергалась справедливой критике в отношении ее европо- (и франко-) центризма. Такая критика исходит из представления о том, какой полагается быть мировой литературе как справедливому литературному пространству, однако было бы сложно спорить с тем, что большинство отдельно развивающихся литератур постепенно включаются в европоцентричное или англоцентричное литературное пространство (через Нобелевскую премию, например), а не наоборот. Когда речь идет о восточноевропейских национальных и меньшинственных литературах, исследование Казанова тем более представляет собой необходимый и обязательный контекст, поскольку, безусловно, интересующие нас литературы ориентируются на европоцентричное литературное пространство.

Приводя примеры из самых разных литературных регионов, Казанова, однако, обходит стороной, очевидно, мало известный ей, но немаловажный с точки зрения истории становления мирового литературного пространства проект советской многонациональной литературы. Тем не менее, сам метод и оптика, которую предлагает Казанова, представляются полезными и даже необходимыми для анализа «Союза советских литератур» как подчиненного государству и при этом частично автономного интернационального поля. Расширенный комментарий по этому вопросу не представляется возможным и необходимым в рамках данной статьи, поэтому отметим только, что наблюдения Казанова над законами, действующими в мировом литературном пространстве, позволяют сделать некоторые выводы о специфике мультикультурной литературной ситуации в Литве даже в отсутствие обстоятельного исследования советского поля литературы с точки зрения литературной политики мультикультурности.

В сравнении с другими меньшинствами постколониального мира, крупнейшие на сегодняшний день меньшинства Литвы – польское и русское – находятся в невыгодном положении по нескольким причинам. Прежде всего, в силу исторических обстоятельств и доминирующей в национальной историографии Литвы интерпретации событий прошлого, они оказываются наследниками культуры «оккупантов». С другой стороны, эти меньшинства не воспринимаются в качестве нуждающихся в культурной поддержке, поскольку их исторические родины благополучно существуют и развиваются. Таким образом, неизбежен конфликт между идентификацией этих этнических групп в качестве меньшинства, нуждающегося в поддержке принимающего государства, и отождествлением их с диаспорой, для которой важна связь с исторической родиной; открытым остается и вопрос о том, в чей канон должна включаться такая литература или какой канон оспаривать. Нельзя сказать, что такая ситуация совершенно уникальна и не имеет аналогов: французская и итальянская словесности Канады находятся в схожей ситуации.

Определяющим часто оказывается выбор автора в пользу родного или государственного языка; в Литве и других постсоветских странах выбор этот, за редким

исключением, предсказуем в силу изначально существующего в *Мировой республике словесности* символического неравенства, разницы в престиже языков и литературных традиций, в размерах литературных рынков. Если в меньшинственной литературе США и Канады значительный корпус текстов составляет этническое письмо на английском (доминирующем государственном) языке, то в случае Литвы такая ситуация маловероятна. Для жителя из бывшей колонии, пишущего на английском, усилия по освоению чужого языка оправданы, поскольку расширяют его аудиторию, в то время как для польского или русского писателя Литвы выбор литовского языка в качестве языка самовыражения существенно ограничивает круг читателей.

Возможности выбора для писателя, обнаруживающего себя в межкультурном пространстве, не ограничиваются альтернативой меньшинство/диаспора. Сама ситуация межкультурности может стать основой самоидентификации, но только в том случае, если автор начинает осознавать себя частью наднационального литературного пространства, где подобная позиция способна приносить символическую прибыль, во всяком случае, до тех пор, пока мультикультурность остается на повестке дня (см., например: Douglas 2011).

В заключение важно отметить, что концепция *Мировой республики словесности*, предложенная Казанова, прямо или косвенно критикуется теми исследователями, которые видят мировое литературное пространство как гетеротопичное, то есть такое, где конкурируют между собой не только национальные литературы (в рамках существующего консенсуса по поводу символического капитала, закрепленного за тем или иным языком и традицией), но и сами проекты универсализации литературного пространства. Например, китайская литература (Ning 2013) или уже упомянутая советская литература вполне могут быть представлены в качестве альтернативных проектов организации мирового литературного пространства.

Заключение

В статье была предпринята попытка обсудить три возможных пути конструирования иноязычных литератур Литвы в качестве объектов исследования. В рамках первого подхода перемещенная словесность концептуализируется как меньшинственное или этническое письмо, акцентируются взаимоотношения с принимающей культурой/государством. Во втором случае иноязычная литература функционирует и изучается в контексте дискурса диаспоры и постдиаспоры, в фокусе внимания – взаимоотношение с исторической родиной и ее культурой. Третьему подходу присуща оптика эпохи глобализации: автор, произведение или иное литературное явление помещаются в контекст мирового пространства литературы, которое может быть осмыслено и как *Мировая республика словесности*, и как гетеротопическое пространство. Все три подхода, с некоторыми оговорками, оказываются жизнеспособными применительно к исследованию иноязычных литератур Литвы.

ЛИТЕРАТУРА

- ГРИГОРЬЕВ, Ю., 2013. *Ликейский свет в исчезнувшей стране*. Москва: Международный институт гуманитарных исследований.
- ДИДУСЕНКО, М., 1998. *Желтым по белому*. Санкт-Петербург: <Самиздат, машинопись>.
- ДОВААТОВ, С., 1984. Две литературы или одна? In: МАТИСН, О., НЕИМ, М., *The Third Wave: Russian literature in emigration*. Ann Arbor: Ardis, 37–39.
- ИГНАТОВА, Е., 1994. Не узнавая языка. *Новый мир*, 10. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/povyi_mi/1994/10/ignat.html [см. 20 08 2014].
- НИВА, Ж., ред., 1981. *Одна или две русских литературы? Международный симпозиум, созданный факультетом словесности Женевского университета и Швейцарской академией славистики. Женева, 13-14-15 апреля 1978*. Лозанна: L'age d'Homme.
- УРИЦКИЙ, А., 2010. Переводные картинки, или Борьба с небытием. *Новое литературное обозрение*, 104. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/104/u28-pr.html> [см. 20 08 2014].
- ФИКС, Е., 2004. Постдиаспора: констатация и предвосхищение. *Moscow Art Magazin*, 4/56. Режим доступа: <http://xz.gif.ru/numbers/56/13/> [см. 20 08 2014].
- BOURDIEU, P., 1996. *The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*. Trans. S. Emanuel. Stanford: Stanford University Press.
- CASANOVA, P., 1996. *The World Republic of Letters*. Trans. M. B. DeBevoise. London: Harvard University Press.
- DELEUZE, G., GUATTARI, F., 1975. *Kafka. Pour une littérature mineure*. Paris: Les Éditions de Minuit.
- DELEUZE, G., GUATTARI, F., 1986. *Kafka. Toward a Minor Literature*. Trans. D. Polan. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- DOUGLAS, C., 2011. *A Genealogy of Literary Multiculturalism*. Ithaca: Cornell University Press.
- KVIETKAUSKAS, M., 2007. *Vilniaus literatūry kontrapunktai: ankstyvasis modernizmas*. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla.
- LAUKKONEN, T., 2012. Baltic Russian Literature: writing from nowhere? *Baltic Worlds*, 6, 24–26.
- NING, W., 2013. Chinese Literature as World Literature. In: HAN, H., ed. *World Literature and the Politics of the Minority*. Jaipur: Rawat Publications, 51–66.
- PIVATO, J., 1994. *Echo: Essays on Other Literatures*, Toronto: Guernica.
- PIVATO, J., ed., 1996. *Canadian Ethnic Studies. Special Issue: Literary Theory and Ethnic Minority Writing*, 3.
- RODRIGUES, B., ZEKRI, C., 2012. *La notion de «mineur» entre littérature, arts et politique*. Paris: Michel Houdiard Editeur.